

БОЛЬШОЙ
РОМАН

Книги МАЙКЛА ШЕЙБОНА,
опубликованные Издательской Группой
«АЗБУКА-АТТИКУС»

Лунный свет

Потрясающие приключения
Кавалера & Клея

**Союз еврейских
полисменов**

≡ МАЙКЛ ≡
ШЕЙБОН

СОЮЗ ЕВРЕЙСКИХ
ПОЛИСМЕНОВ

Издательство «Иностранка»
МОСКВА

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-44
III 39

Michael Chabon
THE YIDDISH POLICEMEN'S UNION
Copyright © 2007 by Michael Chabon
Glossary copyright © 2008 by Michael Chabon and Sherryl Mleynek
All rights reserved

Перевод с английского Елены Калявиной

Оформление обложки Виктории Манацковой

Издание подготовлено при участии издательства «Азбука».

ISBN 978-5-389-12601-5

© Е. Ю. Калявина, перевод, статья,
примечания, 2019
© Издание на русском языке,
оформление.
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2019
Издательство ИНОСТРАНКА®

Отчасти в том, что я сочинил детектив, виноват русский писатель Исаак Бабель. Есть некое странное родство между переводами произведений Бабеля и крутыми детективами, например чандлеровскими.

Если говорить о «Союзе полисменов», то я чувствовал, что должен изобрести новый язык целиком, придумать некий диалект. В этом сочинении я дольше всего искал верный голос. Предложения здесь гораздо короче, что для меня не совсем обычно.

Я написал черновик на шестьсот страниц от первого лица и в итоге через год выкинул его в корзину. В нем были те же персонажи: Ландсман, его бывшая жена Бина Гельбфиш, тоже сотрудник полиции, и его двоюродный брат и напарник, полуиндеец по имени Берко Шемец, — но сюжет там совершенно иной. Для меня самого «Союз полисменов» — это сиквел того, первого романа.

Коль скоро я задумал мир, охватывающий многие слои общества, мне понадобился персонаж, который был бы вхож в каждый из них. Ради этого-то авторам и нужны детективы вроде инспектора Баккета в диккенсовском «Холодном доме». Подобные примеры не спасают детективные истории от пренебрежительного отношения современников в целом. Умение хорошо рассказывать — это забытый и недооцененный элемент так называемой настоящей писательской работы. Существует предубеждение против повествования, в котором сюжет выдвигается на первый план.

По-моему, детектив и писатель неразрывно связаны: детектив страдает из-за расследования. Писатели не могут удержаться от взаимных обвинений, снова и снова вытаптывая одну и ту же лужайку.

Раздумья о том, как выглядел бы мир без Государства Израиль, были одним из побудительных импульсов написания этой книги. Какое же безумие, что этот крохотный клочок земли вынужден быть центром глобальных конфликтов. Я неизменно раздраем двойственным чувством по отношению к миру без Израиля. У меня не было и нет ни точки зрения, которую я мог бы отстаивать, ни плана действий.

Майкл Шейбон

От переводчика

Несколько месяцев я провела в промозглой еврейской Ситке, прожила их день за днем вместе с героями романа, занывшись где-то там, на застекленной лоджии высотки «Днепр», и успев привязаться к этим людям, будто они мне родня. Майклу Шейбону удалось соткать из слов пронзительный и живой мир, тональность романа напоминает девяностые двадцатого века, когда многим из нас пришлось пережить исход, отчуждение, потерю родины. Не могу сказать, что мне по душе альтернативная история, которую предлагает автор, но уж какая есть. Однако символично, что страна евреев, говорящих на идише, обосновалась именно на Аляске — на некогда русской земле. Уверена, что этот роман должен был появиться и прозвучать по-русски. Просто случайный вывих альтернативной истории привел к тому, что написан он на американском (так сам Шейбон называет язык огромной и богатой страны, милостиво приютившей евреев на время, а теперь изгоняющей их куда глаза глядят, ведь в этой богатой стране существует настоящая «черта оседлости») — где-то не там наступили не на ту бабочку, азохен-вей. В русский язык идиш, маме-лошн, врос куда глубже, чем в «американский»; издавна русский, украинский, белорусский языки наполнены идишскими словами, мы веками жили рядом, кровеносные системы наших культур переплелись, сроднились. Шейбон рассказывает историю как бы на идише, вкрапляя «для колорита» идишские слова. Причем если для американца словарь в конце книги необходим, то чи-

тающему этот роман по-русски, скорее всего, он не особенно нужен. Условно говоря: я не знаю идиш меньше, чем его не знает автор. Поясню некоторые свои переводческие решения. Я позволила себе чуть больше слов на идише, надеюсь, автор и читатель меня не осудят за это. Я слышала эти слова в детстве, помню их всю жизнь, да и прочитанная литература сделала свое дело, поэтому кое-что в этом романе так и просилось перевести его с американского на идиш. У Шейбона евреи Аляски называют друг друга «йид» — *yid* (вспоминается бабелевское «*вы юде, пане*»). Причем множественное число автор образует по правилам своего родного языка — *yids*. На идише правильно было бы «*a ид*» в единственном числе и «*идн*» во множественном; да, мне это известно. Но я пишу по-русски, поэтому сознательно беру слово, которое давно вошло в русский, слившись с артиклем, и множественное число от него образуется по правилам русского языка — аид, аиды. Красивые слова, как по мне, да и страна — выдуманная, чего только в ней не бывает. Кстати, для желающих словарь прилагается, мы составили его со всей тщательностью и любовью. Ибо любовь пронизывает все повествование — чистая, звенящая сквозная тема. Не раз прозвучавшее в адрес «Союза еврейских полисменов» словцо «нуар», на мой взгляд, не имеет отношения к роману. «Союз полисменов, говорящих на идише» — я бы именно так перевела название, но выглядит длинновато и кажется аллюзией к Севеле, которого тут нет и в помине, но если язык определяет судьбу народа, то идишу в названии самое место. И «забойным» этот роман назвали совершенно бездумно. Роман метафоричен и прекрасен, это песнь уходящему в небытие. Автор явно читал в переводе не только Бабеля, но и Набокова и Достоевского. И шейбоновский Мошиах чем-то неуловимо напоминает князя Мышкина. Впрочем, судите сами. Доброго вам пути, гейт гезунт!

Елена Калявина

СОЮЗ ЕВРЕЙСКИХ
ПОЛИСМЕНОВ

Посвящается Эйлет, моей башерт

В решете они в море ушли, в решете.

Эдвард Лир
(Перевод С. Маршака)

За те девять месяцев, что Ландсман прокантовался в гостинице «Заменгоф», никого из постояльцев не угораздило стать жертвой убийства. А теперь кто-то вышиб мозги аиду из номера 208, именовавшему себя Эмануэлем Ласкером.

— Он трубку не брал, он дверь не открыл, — оправдывается ночной администратор Тененбойм, поднявший Ландсмана с постели. (Ландсман занимает номер 505 с видом на неоновую вывеску гостиницы по ту сторону улицы Макса Нордау. Это словечко «Блэкпул» частенько является Ландсману в ночных кошмарах.) — Вот я и позволил себе зайти в его номер.

Ночной администратор, в прошлом морпех и героинщик, еще в шестидесятых завязал с наркотой, вернувшись домой после заварухи под названием «Кубинская война». Для заменгофского контингента он как мама родная — ссужает деньгами и считает, что нечего беспокоить жильцов попусту, если те нуждаются в уединении.

— Ты в номере что-нибудь трогал? — интересуется Ландсман.

— Только наличку и камешки.

Ландсман надевает брюки, ботинки, пристегивает подтяжки. Они с Тенебоймом дружно косятся на дверную ручку, где висит галстук — красный в жирную свекольную

полоску. Ландсман его со вчера не развязывал, экономя время. Восемь часов осталось до следующего Ландсманова дежурства. Восемь часов безделья в обнимку с бутылкой — точь-в-точь крыса в стеклянном террариуме, усыпанном древесными опилками. Ландсман со вздохом тянется за галстуком, продевает голову в петлю, придвигает узел к верхней пуговице воротника. Влезая в пиджак, он нащупывает в нагрудном кармане бумажник и жетон, похлопывает ладонью по кобуре под мышкой — на месте ли шолем, тридцать девятый «смит-вессон».

— Я бы вас ни в какую не разбудил бы, детектив, — говорит Тененбойм, — если б не приметил, что вы вроде не так чтобы очень спите.

— Я сплю, — возражает Ландсман. Он берет сувенирную стопку, свою теперешнюю подругу жизни, память о Всемирной выставке 1977 года. — Просто я сплю в трусах и рубашке.

Он поднимает безмолвный тост за тридцатую годовщину Всемирной выставки в Ситке. Переломный, говорят, момент был в истории еврейской цивилизации на севере, и кто он такой, Мейер Ландсман, чтобы это оспаривать? Тем летом ему было четырнадцать, и у него только открылись глаза на прелести еврейских женщин, так что для него 1977-й тоже был своего рода переломным моментом.

— Сплю, сидя в кресле. — Он осушает стопку. — И при шолеме.

Если верить докторам, психотерапевтам и бывшей жене Ландсмана, то его пьянство — это чистое самолечение, то бишь доводка до кондиции хрупких трубочек и кристаллов состояния его души с помощью кувалды крепчайшего сливового бренди. Но правда в том, что у Ландсмана бывает лишь два состояния души: Ландсман работающий и Ландсман мертвый. Мейер Ландсман — самый «титулованный» шамес в округе Ситка, это он распутал убийство кра-

савицы Фромы Лефковиц, совершенное ее мужем-меховщиком, это он схватил «больничного убийцу» Подольски, это его показания упекли Хаймана Чарны пожизненно в федеральную тюрьму — первый и последний случай, когда вербовскому молодчику пришлось-таки ответить в суде за уголовное преступление. У Ландсмана память арестанта, отвага подрывника, а глаз остр, как у взломщика. Случись где преступление, он рыскает по городу, будто у него ракета в штанине. А за кадром словно звучит этакая бравая музыка, да с кастаньетами. Беда поджидает в часы вынужденного безделья, когда Ландсмановы мысли начинает выдвигать из распахнутого окна сознания, словно забытые на столе листки бумаги. Порой надобится увесистое пресс-папье, чтобы удержать их.

— Не хотелось прибавлять вам работы, — говорит Тененбойм.

В бытность свою в отделе по борьбе с наркотиками Ландсман пять раз арестовывал Тененбойма. Пожалуй, это единственное основание для дружбы между ними, но его вполне достаточно.

— Это не работа, Тененбойм, — говорит Ландсман, — я делаю это по любви.

— Ну точно как я. Только по любви будешь вкалывать ночным администратором в этом сраном клоповнике.

Ландсман похлопывает Тененбойма по плечу, и они отправляются осматривать покойника, втиснувшись в необитаемый заменгофский лифт, или *ELEVATORO*, как общает медная табличка над входом. Пятьдесят лет тому, когда гостиницу только построили, все вывески, указатели и предупреждения были выгравированы на медных табличках на языке эсперанто. Большая часть их давно сгинула бесследно, став жертвами небрежности, вандализма или пожарной инспекции.

Ни дверь, ни дверной проем номера 208 не свидетельствуют о насильственном вторжении. Ландсман оборачивает

ручку носовым платком и легонько толкает дверь носком ботинка.

— Я когда его только увидел, у меня такое чудное чувство появилось, — говорит Тененбойм, следуя за Ландсманом в открытую дверь. — Помните выражение «сломленный человек»?

Да, что-то такое Ландсман слышал.

— Большинство людей, которых так называют, совершенно того не заслуживают, — продолжает Тененбойм, — коль уж на то пошло, в них и ломаться-то нечему. Но вот этот самый Ласкер... Он вроде тех неоновых палочек — сломаешь их, и они светятся. Знаете, да? По несколько часов кряду. И слышно, как внутри звякают осколки стекла. Ладно, не обращайтесь внимания. Просто возникло такое странное ощущение.

— В наши дни у кого только нет странных ощущений, — говорит Ландсман, занося в черный блокнотик какие-то заметки об обстановке в номере, впрочем совершенно лишние, поскольку он редко забывает даже мельчайшие подробности физического описания; все те же доктора, психотерапевты и бывшая супруга в один голос пророчили, что пристрастие к алкоголю скоро погубит уникальную память Ландсмана, но пока что, к его глубокому сожалению, эти предсказания не сбываются: картины прошлого, все до единой, остаются при нем как живые. — Нам даже пришлось выделить линию, чтобы управиться с телефонными звонками от чудаков.

— Странно в нынешние времена быть евреем, — соглашается Тененбойм. — Это уж точно.

На ламинированном туалетном столике лежит небольшая стопка брошюр. На тумбочке у кровати — шахматная доска. Она выглядит так, словно смерть застала Ласкера в разгар партии: ровный строй фигур нарушен, черный король под ударом в центре, у белых преимущество в две фи-

гуры. Шахматы дешевенькие — картонная доска, складывающаяся посередине, полые фигуры с пластиковыми заусенцами — привет от формы, в которой их штамповали.

В торшере с тремя абажурами, рядом с телевизором, горит только одна лампочка. Все остальные лампочки в номере, кроме той, что в ванной, перегорели или вывинчены. На подоконнике упаковка популярного безрецептурного слабительного. Окно приоткрыто на максимально возможный дюйм, и каждые пять секунд металлические жалюзи дребезжат от резкого ветра со стороны залива Аляска. Этот ветер несет гниловатый запах древесной трухи, корабельной солярки, лососевой требухи и консервных жестянок для рыбозаготовки. Как поется в песне «Нох амол», которую Ландсман и все аляскинские евреи его поколения выучили еще в начальной школе, запах с залива наполняет каждый еврейский нос надеждой, сулит возможность, великий шанс все начать заново, еще раз. «Нох амол» ведет свою историю со времен Полярных Медведей начала сороковых, и ее предназначением было выразить благодарность за еще одно чудесное спасение, *нох амол* — СНОВА. В наши дни евреи округа Ситка более чутко воспринимают ироническую нотку, изначально звучавшую в этой песне.

— Помнится, я знал немало аидов-шахматистов, которые герычем баловались.

— Да и я, — кивает Ландсман, глядя сверху на распростертый труп; он вспомнил, что не раз встречал аида в «Заменгофе».

Этакий человек-пичужка. Блестящие глаза, шнобель. Красноватые пятна кое-где на щеках и на шее — розацеа, не иначе. Не рецидивист, не подонок какой, не пропащая душа. Еврей как еврей — вроде самого Ландсмана, разве что лекарство он выбрал другое. Ногти ухоженные. Всегда при шляпе и галстуке. Как-то раз читал книгу, делая пометки на полях. Теперь Ласкер лежит на откидной кровати,

лицом к стене, в одних белых подштанниках. Рыжеватые волосы, рыжие веснушки и трехдневная золотистая стерня на щеках. След двойного подбородка, — видимо, в неведомой прошлой жизни, помечает себе Ландсман, покойный был толстым мальчиком. Глаза вылезли из темно-красных орбит. На затылке крошечная обугленная дырка, сгусток крови. Никаких признаков борьбы. Как будто Ласкер не видел и не осознавал, что его убивают. Подушка на кровати отсутствует, отмечает Ландсман.

— Знать бы раньше, так предложил бы ему сыграть партейку-другую.

— А вы играете?

— Шахматист из меня неважнецкий, — признается Ландсман. Рядом с туалетом, на плюшевом коврике припорного желто-зеленого цвета пастилок от кашля, он замечает крошечное белое перышко. Ландсман рывком открывает дверь туалета — вот она, подушка, на полу — ей прострелили сердце, чтобы заглушить звук взорвавшегося в патроне газа. — Нет у меня понимания миттельшпиля.

— По моему опыту, детектив, — говорит Тененбойм, — тут у нас полный миттельшпиль.

— Кто бы сомневался, — кивает Ландсман. И звонит своему напарнику Берко Шемеру. — Детектив Шемер? — говорит он в мобильник «Шойфер АТ», собственность полицейского управления. — Это твой напарник.

— Сто раз я тебя просил больше так не делать, Мейер, — отвечает Берко.

Нет нужды сообщать, что у него тоже осталось восемь часов до следующего дежурства.

— Имеешь полное право сердиться. Только я тут подумал, может, ты не спишь еще.

— Я и не спал.

В отличие от Ландсмана, Шемер не отправил коту под хвост ни свой брак, ни личную жизнь. Все ночи он проводил в объятиях своей безупречной жены, благодарно отве-

чая взаимностью на безусловно заслуженную любовь, которой та одаривала своего супруга — преданнейшего мужчину, никогда не дававшего ей повода для сожалений или тревог.

— Холера тебе в бок, Мейер, — говорит Берко и усугубляет американским: — Черт тебя дерит.

— Я тут прямо у себя в гостинице имею явное убийство, — сообщает Ландсман. — Постоялец. Один выстрел в затылок. Подушка вместо глушителя. Очень чисто.

— В яблочко, значит.

— Я только потому и решил тебя побеспокоить. Необычный способ убийства.

В Ситке, население которой, разместившееся на длинном драном лоскуте муниципального района, составляет три и две десятых миллиона человек, ежегодно регистрируется в среднем семьдесят пять убийств. Часть из них — бандитские разборки: русские штаркеры приканчивают друг друга в вольном стиле. Все прочие убийства в Ситке — это так называемые преступления страсти, как на скорую руку обозвали математический результат, который получается, если алкоголь помножить на огнестрельное оружие. Хладнокровные казни настолько же редки, насколько трудноудаляемы с большой белой доски, куда крепятся ярлыки нераскрытых дел.

— Ты же не при исполнении, Мейер. Звякни в отдел. Отдай жмурика Табачнику и Карпасу.

Табачник и Карпас — еще два детектива, которые вместе с Ландсманом и Шемером входят в группу «Б» отдела убийств Главного управления полиции округа Ситка; в этом месяце они дежурят в ночную смену. Ландсман не может не признать, что идея сбросить сие голубиное дерьмецо на шляпу сослуживцам не лишена некоторой привлекательности.

— Ну, я бы так и сделал, — говорит он, — но мы с покойником соседи.

— Вы были знакомы? — Голос у Берко смягчается.

— Нет, — отвечает Ландсман. — Не знал я его, аида этого.

Он отводит взгляд от бледного веснушчатого бесформенного тела, распростертого на откидной кровати. Иногда Ландсман невольно жалеет этих бедолаг, но как бы это не вошло в привычку.

— Слушай, — говорит он, — ложись-ка ты спать. Завтра обсудим. Прости, что потревожил. Спокойной ночи. Извинись за меня перед Эстер-Малке.

— Что-то голос у тебя малость того, Мейер, — говорит Берко. — Ты как там?

За последние месяцы Мейер множество раз звонил своему напарнику в самые неподходящие часы посреди ночи, разглагольствуя гневно или же бессвязно изливая горе на алкогольном диалекте. Два года назад Ландсман катапультировался из терпящего бедствие самолета своего брака, а в апреле прошлого года его младшая сестра разбилась на двухместном поршневом «пайпер-суперкабе», врезавшись в поросший кустарником склон сопки Дункельблум. Но не о гибели Наоми думает сейчас Ландсман, не о разводе сожалеет. Его захватывает видение: он сидит на грязно-белом диване в неопрятном фойе гостиницы «Заменгоф» и играет в шахматы с Эмануэлем Ласкером, или как там его звали на самом деле. Они озаряют друг друга утасоющим сиянием, вслушиваясь в дребезжание осколков стекла внутри. И пусть Ландсман не выносит шахматы, картина от этого не становится менее щемящей.

— Этот парень был шахматистом. А я и не догадывался. Вот и все.

— Мейер, пожалуйста, — просит Берко, — пожалуйста, умоляю тебя, Мейер, только не рыдай.

— Я в порядке, — успокаивает его Ландсман. — Спокойной ночи.

Ландсман звонит диспетчеру, чтобы записать на себя расследование дела Ласкера. Еще одно паршивенькое убийство никак не запятнает его безупречной раскрываемости. Подумаешь — глухарь. Первого января весь суверенный федеральный округ Ситка, вся эта фигурная скобка каменистого побережья, протянувшегося вдоль западных оконечностей островов Баранова и Чичагова, снова перейдет под юрисдикцию штата Аляска. Окружное управление полиции, которому Ландсман предан телом и душой и в котором прослужил верой и правдой двадцать лет, будет расформировано. И совершенно неясно, сохранят ли свою работу Ландсман, или Шемец, или кто-то другой из сослуживцев. Все в тумане и насчет грядущего Возвращения, вот потому-то и странно по нынешним временам быть евреем.

Ожидая патрульного латке, Ландсман стучится в двери. Большинство постояльцев «Заменгофа» этой ночью отсутствовали, телом или душой, а все, что Ландсман мог получить с остальных, — так с тем же успехом можно ломиться в дверь школы для глухонемых Гиршковица. В большинстве своем дерганая, бестолковая, гнусная кучка аидов с прибабахами — вот кто они, постояльцы гостиницы «Заменгоф», но никто из них этой ночью вроде бы не дергался больше обычного. И ни в одном из них Ландсман не усматривает типа, способного вдавить крупнокалиберный ствол человеку в затылок и хладнокровно пристрелить его.

— Зря я трачу время на телков этих, — говорит Ландсман Тененбойму. — А ты точно уверен, что ничего и никого необычного не заметил?

— Извините, детектив.

— Ты тоже телок, Тененбойм.

— Я не оспариваю обвинение.

— Служебный выход?

— Дилеры через него шастали, — отвечает Тененбойм. — Нам пришлось поставить сигнализацию. Я бы услышал.

Ландсман велит Тененбойму дозвониться дневному администратору и тому, кто его замещает по выходным, и выдернуть их из постелей. Оба джентльмена согласны

с Тененбоймом в том, что, насколько им известно, никто покойным не интересовался и не звонил ему. Никогда. По крайней мере, пока он жил в «Заменгофе». Ни посетителей, ни друзей, ни даже мальчишки-посыльного из «Жемчужины Манилы». Так что, полагает Ландсман, в этом и состоит разница между ним и Ласкером — ему, Ландсману, время от времени приносили из «Ромеля» коричневый пакет с лумпией.

— Пойду проверю крышу, — говорит Ландсман. — Никого не выпускай и дай мне знать, когда латке соизволит явиться.

Ландсман поднимается *elevatoro* на восьмой этаж, а потом, грохоча, пешком преодолевает еще один пролет с обитыми железом бетонными ступеньками, ведущими на крышу «Заменгофа». Он обходит периметр, видит улицу Макса Нордау до самой крыши «Блэкпула». Он вглядывается в пропасти, лежащие за северным, восточным и южным карнизами, в приземистые строения шестью-семью этажами ниже. Ночь — оранжевое липкое пятно над Ситкой, смесь тумана и натриевых фонарей. Она похожа на прозрачный лук, обжаренный в курином жире. Фонари еврейской территории тянутся от склона вулкана Эджком на западе, над семьюдесятью двумя пустынными островами к югу, через Шварцер-Ям, мыс Палтуса, Южную Ситку и далее через Нахтазиль, Гаркави и Унтерштат, пока не теряются на востоке за грядой Баранова. На острове Ойсштелюнг, на кончике Английской Булавки, — маяк, этот единственный последыш Всемирной выставки, остерегающе подмигивает то ли самолетам, то ли евреям. В ноздри Ландсману шибает смрад рыбной требухи с консервных заводов, жира с жаровен «Жемчужины Манилы», выхлопы такси, ядовитый букет свежевыделанных шляп с фетровой фабрики Гринспуна в двух кварталах от гостиницы.

— Хорошо там, наверху, — говорит Ландсман, спустившись в вестибюль с его очарованием пепельниц, пожелтев-

ших диванов, обшарпанных стульев и столов, где можно иногда застать пару здешних обитателей, убивающих время за игрой в безик. — Мне следовало бы почаще там бывать.

— А как насчет подвала? — спрашивает Тененбойм. — Внизу тоже глянете?

— Подвал, — повторяет Ландсман, и его сердце вдруг ни с того ни с сего изображает в груди ход конем. — Надо бы, наверное.

Ландсман по-своему орешек крепкий, что называется, любитель отчаянного риска. О нем говорят как о прожженном, безрассудном момзере, свихнувшемся сукином сыне. Ему удавалось осадить штаркеров и психопатов, его дырявили, били, замораживали, жгли. Он преследовал лиходеев под вспышками городских перестрелок и в дебрях медвежьих чащоб. Высоты, толпы, змеи, горящие дома, свирепые собаки, натасканные на запах полицейских, — он все это побеждает и перебарывает, все ему нипочем.

Но стоит ему оказаться в крошечном мраке или в замкнутом пространстве, что-то животное начинает биться в конвульсиях внутри Мейера Ландсмана. И только его бывшая жена знает, что детектив Мейер Ландсман боится темноты.

— Мне с вами? — импровизирует Тененбойм.

Но мало ли что может прийти в голову чувствительной хабалке вроде Тененбойма.

Ландсман презрительно отвергает предложение:

— Просто дай мне чертов фонарь.

Подвал выдыхает камфару, мазут и холодную пыль. Ландсман дергает за шнур и включает голую лампочку, задерживает дыхание и ныряет. У подножия лестницы он проходит кладовую забытых вещей. Стены в ней обиты древесно-волоконистыми плитами, увешанными полками с крючками и гнездами, где ютятся тысячи предметов, по-

кинутых или забытых постояльцами. Распарованная обувь, меховые шапки, труба, заводной дирижабль. Коллекция восковых граммофонных валиков, представляющая весь репертуар стамбульского оркестра «Орфеон». Топор дровосека, два велосипеда, вставная челюсть в гостиничном стакане. Парики, трости, стеклянный глаз, набор рук, забытый продавцом манекенов. Молитвенники, талесы в бархатных сумочках на молнии, заморский идол с телом жирного младенца и головой слона, а вот и деревянный ящик из-под лимонада, заполненный ключами, другой — вдоль и поперек набитый парикмахерскими инструментами, от плоек до щипчиков для ресниц. Семейные фотографии в рамках, знавшие лучшие дни. Загадочный резиновый жгут — может, эротическая игрушка, или противозачаточное средство, или патентованная тайная деталь женского корсета. Какой-то аид даже забыл чучело куницы, холеное и злобное, с чернильной бусинкой глаза.

Ландсман шерудит карандашом в ящике с ключами. Он заглядывает в каждую шапку, обшаривает полки позади забытых книг в мягких обложках. Он слышит собственное сердце и запах своего альдегидного дыхания, и после нескольких минут в тишине шум крови в ушах начинает напоминать чью-то беседу. Он проверяет за бойлерами, скованными стальными обручами, как товарищи-арестанты по пути на каторгу.

Теперь прачечная. Когда Ландсман дергает шнурок, чтобы зажечь свет, ничего не происходит. Тут темнее раз в десять и не на что смотреть, кроме пустых стен, оторванных крюков, стоков в полу. В «Заменгофе» давно уже не стирают белье в собственной прачечной. Ландсман заглядывает в стоки, мрак там маслянист и густ. Ландсман ощущает в животе трепет червя. Он сгибает пальцы и трещит шейными позвонками. В дальнем конце прачечной обнаруживается дверца из трех досок, сбита четвертой по диагонали, вместо задвижки — веревочная петля и крючок.

Подвал. От одного этого слова Ландсману становится слегка не по себе.

Он прикидывает степень вероятности, что какой-нибудь убийца, не профессионал, не настоящий любитель, даже не обычный маньяк, мог бы спрятаться в этой норе. Все возможно. Однако даже отпетому психу было бы несподручно изнутри накинуть петлю на крюк. Эта логика уже почти уговаривает его оставить крысиную нору в покое. В результате Ландсман включает фонарь и зажимает его в зубах. Он поддерживает штанины, становится на колени. Просто назло самому себе, потому что поступать назло себе, другим, всему миру — любимая забава и единственное достояние Ландсмана и его народа. Одной рукой он расстегивает кобуру своего гигантского малыша «смит-вессона», а другой нащупывает петлю на двери. И резко распахивает дверцу крысиной норы.

— Вылезай! — произносит он пересохшими губами, скрипя, что твой перепуганный старый пердун.

Восторг, испытанный им на крыше, остыл, как спираль перегоревшей лампочки. Ночи его прошли зря, его жизнь и карьера — всего лишь череда ошибок, и город его — та же лампочка, которая вот-вот потухнет.

Он до пояса залезает в крысиную нору, где прохладно и резко пахнет мышиным дерьмом. Луч фонарика тоненькой струйкой сочится повсюду, тень становится еще гуще от его света. Стены здесь шлакоблочные, пол земляной, потолок — отвратительный клубок проводов и пеноизоляции. Посреди грязного пола лежит диск необработанной фанеры, вставленный в круглую металлическую раму вровень с полом. Ландсман задерживает дыхание и, переплывая собственную панику, устремляется к дыре в полу, полный решимости не выныривать, пока может. Грязь вокруг рамы не тронута. И даже слой пыли на дереве и раме одинаков, ни отметок, ни бороздок. И нет причины полагать, что кто-

то тут побывал. Ландсман просовывает пальцы между фанерой и рамой и приподнимает грубую крышку люка.

Фонарь выхватывает алюминиевую трубу с резьбой, ввинченную в землю и снабженную стальными скобами-ступеньками. Оказывается, рама — тоже часть трубы. Достаточно широкой, чтобы принять взрослого психопата. Или еврея-полицейского с меньшим числом фобий, чем у Ландсмана. Он цепляется за шолем, как за спасительный поручень, сражаясь с безумной потребностью разрядить его в горло мрака, а потом с грохотом роняет фанерный диск назад в раму. Нет, вниз он не ходок. Мрак преследует Ландсмана, пока он поднимается по ступенькам в вестибюль, мрак хватается за воротник, дергает за рукав.

— Ничего, — говорит он Тененбойму, собравшись.

Слово звучит с воодушевлением. Может, как предвидение, что убийство Эмануэля Ласкера обречено быть раскрытым, слово, ради которого, как он полагает, Ласкер жил и умер, как осознание того, что останется после Возвращения от его, Ландсмана, родного города.

— Ничего.

— Знаете, что Кон болтает? — говорит Тененбойм. — Кон болтает, что в доме водится привидение.

Кон — это дневной администратор.

— Гадит и разносит дерьмо. Кон думает, что это призрак профессора Заменгофа.

— Если б эту помойку, — говорит Ландсман, — назвали моим именем, я бы тоже бродил здесь призраком.

— Кто знает, — обобщает Тененбойм. — Особенно в наши дни.

В наши дни никто ничего не знает. У Поворотны кот огулял крольчиху, и та произвела прелестных уродцев, чьи фотографии украсили первую полосу «Ситка тог». В феврале пятьсот свидетелей со всего района божились, что две ночи кряду наблюдали мерцание северного сияния в виде

человеческого лица с бородой и пейсами. Яростные споры разразились везде, обсуждалась личность бородатого мудреца в небе, и смеялся ли он (или просто страдал, потому что его пучило), и что это знамение вообще означало.

А на прошлой неделе, среди шухера и перьев кошерной бойни на Житловски-авеню, курица заговорила с шойхетом, когда тот занес ритуальный нож, и на арамейском языке провозгласила неминуемое пришествие Мошиаха. И если верить все той же «Ситка тог», чудотворная курица предложила многочисленные предсказания, хотя пренебрегла упоминанием супа, попав в который умолкла, как Сам Б-г. Даже весьма поверхностное изучение сообщений, думает Ландсман, покажет, что в те времена, когда странно быть евреем, не менее странно быть и курицей, и так было всегда.

На улице ветер вытряхивает дождь из складок своего плаща. Ландсман укрывается в дверном проеме. Два человека переходят улицу, сражаясь с непогодой, один — с виолончельным футляром за спиной, другой — нянча скрипку или альт; они держат путь к дверям «Жемчужины Манилы». Концертный зал в десяти кварталах отсюда и на целый мир дальше от этого конца улицы Макса Нордау, но тоска еврея по свинине, особенно если она хорошо прожарена, сильнее ночи, или расстояний, или ледяного ветра с залива Аляска. И сам Ландсман борется с желанием вернуться в номер 505, к бутылке сливовицы и сувенирной стопке со Всемирной выставки.

Вместо этого он закуривает папиросу. После десяти лет воздержания Ландсман закурил опять три года назад. В то время его тогда еще жена была беременна. Долгожданная беременность, обсуждаемая долго в некоторых кругах, — ее первая беременность — и незапланированная. И, как это часто бывает, когда беременность обсуждается слишком долго, будущий отец испытывал двойственные чувства. Семнадцать недель и один день — день, когда Ландсман купил первую пачку «Бродвея» за эти десять лет, принес грустные новости. Некоторые, хотя и не все клетки, создававшие зародыш под кодовым именем «Джанго», обладали лишней хромосомой на двадцатой паре. Мозаицизм —

Содержание

<i>Е. Калявина. От переводчика</i>	13
СОЮЗ ЕВРЕЙСКИХ ПОЛИСМЕНОВ. <i>Роман</i>	15
От автора	481
Словарь	483
<i>Майкл Шейбон. Путеводитель по стране призраков</i>	491
Примечания. <i>Е. Калявина</i>	499

Шейбон М.

Ш 39 Союз еврейских полисменов : роман / Майкл Шейбон ; пер. с англ. Е. Калявиной. — М. : Иностранка, Азбука-Аттикус, 2019. — 512 с. — (Большой роман).

ISBN 978-5-389-12601-5

От лауреата Пулицеровской премии, автора международных бестселлеров «Потрясающие приключения Кавалера & Клея» и «Лунный свет», — «альтернативная история независимого еврейского государства: вместо Палестины оно появляется на Аляске. Там говорят на идише, изредка устраивают стычки с соседями-индейцами и ждут окончания 60-летнего срока, отмеренного США для обустройства евреев, убежавших от нацистов в годы Второй мировой войны из Европы» (*Lenta.ru*). И вот на фоне всеобщих апокалиптических ожиданий происходит как бы совершенно заурядное убийство: в дешевой гостинице «Заменгоф», названной по имени изобретателя языка эсперанто, находят тело опустившегося, но некогда гениального шахматиста. За расследование берется Мейер Ландсман, детектив из группы «Б» отдела убийств Главного управления полиции округа Ситка. Всему округу осталось лишь несколько месяцев привычной жизни, а дальше — неизвестность, но Ландсмана в его стремлении к истине не остановят ни препоны, чинимые собственным начальством, ни организованная преступность мессианского толка, ни махинации ФБР, ни возвращение в Ситку бывшей Ландсмановой жены, успевшей окончить курсы повышения квалификации для женщин-детективов...

Роман публикуется в новом переводе.

УДК 821.111(73)

ББК 84(7Coe)-44

Литературно-художественное издание

МАЙКЛ ШЕЙБОН
СОЮЗ
ЕВРЕЙСКИХ ПОЛИСМЕНОВ

Редактор Александр Гузман
Художественный редактор Виктория Манацкова
Технический редактор Татьяна Тихомирова
Компьютерная верстка Ирины Варламовой
Корректоры Ирина Киселева, Светлана Федорова

Подписано в печать 18.01.2019. Формат издания 60 × 90 ¹/₁₆.
Печать офсетная. Тираж 4000 экз. Усл. печ. л. 32. Заказ №

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

18+

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака «Издательство Иностранка»
115093, г. Москва, ул. Павловская, д. 7, эт. 2, пом. III, ком. № 1
Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» в Санкт-Петербурге
191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А

ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
Тел./факс: (044) 490-99-01. E-mail: sale@machaon.kiev.ua
Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1, комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

ПО ВОПРОСАМ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ОБРАЩАЙТЕСЬ:

В Москве: ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
Тел.: (495) 933-76-01, факс: (495) 933-76-19
E-mail: sales@atticus-group.ru; info@azbooka-m.ru

В Санкт-Петербурге: Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
Тел.: (812) 327-04-55, факс: (812) 327-01-60. E-mail: trade@azbooka.spb.ru

В Киеве: ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
Тел./факс: (044) 490-99-01. E-mail: sale@machaon.kiev.ua

Информация о новинках и планах на сайтах: www.azbooka.ru, www.atticus-group.ru

Информация по вопросам приема рукописей и творческого сотрудничества
размещена по адресу: www.azbooka.ru/new_authors/

Y-BRM-28636-01-R